

1819. Карл Занд: убийство за идею

Юлиус
Эдуард Гитциг
Виллибальд Алексис

18+

Юлиус Эдуард Гитциг

1819. Карл Занд: убийство за идею

«Автор»

2026

Гитциг Ю.

1819. Карл Занд: убийство за идею / Ю. Гитциг — «Автор», 2026

Громкий удар кинжала, потрясший всю Европу: почему в спокойной и добропорядочной Германии XIX века жестокое политическое убийство вызвало не возмущение, а восхищение, а казнённого преступника возвели в ранг святого мученика? Перед вами уникальный исторический документ — перевод главы из фундаментальной немецкой антологии преступлений «Новый Питаваль» (1842). Это детальное расследование трагической гибели писателя Августа фон Коцебу от рук молодого фанатика Карла Занда.

Авторы мастерски анализируют, как из чистого душой, набожного юноши под влиянием ложных идеалов и духовной гордыни рождается хладнокровный убийца. Захватывающая хроника расследования, исследующая вечные вопросы: оправдывает ли благая цель преступные средства и где пролегает граница между патриотизмом и безумием.

© Гитциг Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От редактора	5
Часть 1. Пролог. Дух времени и источники	6
Часть 2. У истоков фанатизма. Юность в Фихтельских горах	9
Часть 3. Эрлангенский период и студенческие братства	13
Часть 4. Переезд в Йену и символ веры	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

1819. Карл Занд: убийство за идею

От редактора

Уважаемый читатель! Историко-криминалистический очерк о деле студента Карла Занда вошёл в первый том знаменитого немецкого сборника уголовных дел «Новый Питаваль». Этот текст был написан и впервые опубликован в 1842 году, поэтому все временные характеристики в повествовании — такие как упоминания «нынешнего года», ссылки на события «двадцатилетней давности» или рассуждения о современном статусе героев — привязаны строго к середине XIX века. При подготовке этого издания оригинальный колорит, старинные обороты и лексика перевода были бережно сохранены, а все личные дневники, прощальные письма и манифесты Занда оставлены в первозданном виде. Язык может показаться избыточно напыщенным, но именно это позволяет точно передать психологию фанатизма.

Часть 1. Пролог. Дух времени и источники

Двадцать два года назад, около пяти часов пополудни 23 марта 1819 года, в своей комнате в городе Мангейме был убит ударом кинжала Август фон Коцебу — самый знаменитый драматург Германии своего времени. Роковой удар нанёс Карл Занд, тогда ещё никому не известный студент.

Пожалуй, ни одно другое уголовное дело в истории Германии не вызывало столь живого интереса и столь полярных оценок в обществе. По обстоятельствам, это было коварное убийство исподтишка, а по побуждениям — чисто политическое преступление. Подобные злодеяния принадлежат к числу самых редких явлений, а для Нового времени это событие стало чем-то почти неслыханным.

Когда нечто подобное всё же случается в истории, оно кажется порождением безумной, фанатичной ярости былых поколений или уходит корнями в мрачные предания о тайных отравлениях — истории, которые перед судом строгой исторической критики невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

В данном же случае всё было предельно ясно: и само деяние, и сопутствующие обстоятельства, и мотивы. Это преступление не было вызвано внезапным, слепым порывом страсти. Напротив, оно было тщательно спланировано, а роковой удар кинжала наносился с леденящим душу спокойствием.

И всё же в спокойной, добропорядочной Германии это событие вызвало скорее изумление, сочувствие и глубокое волнение, нежели возмущение. Более того, сам поступок превозносили и им восхищались. И делали это не только легкомысленные юноши, но и вполне благоразумные, зрелые мужчины. К убийце потянулись все чуткие сердца. О нём проливали слёзы женщины и девушки. Могилу убийцы украшали венками и цветами. Ему стремились посмертно присвоить славу мученика. В то же время по убитому — а ведь он ещё недавно был любимцем широкой немецкой публики — едва ли раздался хоть один громкий плач, едва ли был слышен хотя бы тихий вздох сожаления.

«Это событие, — писал один публицист, — отчётливо обнажило глубокий раскол, произошедший в нашем духовном мире. Беспристрастная история со временем соберёт воедино все мнения об этом преступлении — от редкого, зачастую лишь робкого порицания до откровенного ликования по поводу убийства и восхваления преступника. По всем этим многообразным оттенкам общественной реакции история вынесет свой справедливый приговор самой эпохе. Ведь именно дух времени отражается и говорит в действиях отдельных людей, которые в такие моменты выступают выразителями мыслей целого множества сограждан».

Эти строки правовед Карл Эрнст Ярке написал примерно через десять лет после случившегося. С тех пор прошло ещё одно десятилетие, и если не сама история, то Новое время уже вынесло свой вердикт — и он оказался совсем не таким, как суждение современников. Без прежней ненависти и злобы мы осудили это злодеяние. И сегодня среди всех тех, кто жил бок о бок с убийцей и называл это убийство великим нравственным подвигом, вряд ли найдётся хоть один человек, который и теперь станет оправдывать и славить этот поступок, его мотивы или цели. Однако упомянутый писатель всю ту эпоху винит лишь в одном этом грехе и заявляет:

«В истории христианских народов, конечно, бывали примеры, когда в годы жестоких гражданских войн ожесточённые политические и религиозные узы объявляли друг друга вне закона, а коварное убийство ненавистного противника считали вполне дозволенным средством. Однако обе стороны всё же признавали божественную заповедь "не убий" нерушимым и общим для всех правилом. Обе фракции стояли на одном и том же фундаменте и рассматривали каждое пролитие крови лишь как исключительный, единичный случай».

И когда этот автор упрекает само девятнадцатое столетие в излишней склонности к теориям, из-за которых люди якобы начали сомневаться в существовании единого для всех закона, он в собственном партийном рвении упускает из виду целую историческую эпоху, которая полностью опровергает его обвинение. Он забыл об убийцах, которых католическая Священная лига подсылала к героическим правителям Оранской династии; забыл о кинжалах, что точили против английской королевы Елизаветы, и о ноже Франсуа Равальяка, убившего французского короля Генриха Четвёртого.

Он забыл, что на стороне единомышленников Карла Занда была лишь малая, слабая горстка людей, в то время как Варфоломеевской ночи — страшной резне гугенотов во Франции — ликуя рукоплескал почти весь католический мир. В Риме тогда в знак радости палили из пушек, Папа Римский в честь этого побоища устроил торжественную процессию и объявил юбилейный год, а иезуиты наводнили свет бесчисленными трудами, прославляющими это «богоугодное деяние». Всё это, вместе взятое, никак не позволяет назвать то кровопролитие «исключительным, единичным случаем».

Да и божественную заповедь «не убий» в те времена едва ли признавали нерушимым правилом — раз уж даже германскому императору Максимилиану Второму пришлось публично оправдываться и заявлять, что он не имел никакого отношения к ужасам Варфоломеевской ночи.

Тогда правителю Священной Римской империи пришлось прибегнуть к весьма необычному для тех времён средству — написать личное послание, в котором он горячо заверял в своей невинности и выражал глубокое возмущение произошедшим. В своём собственноручном письме к генералу Лазарусу фон Швенди от 22 февраля 1574 года император Максимилиан Второй прямо заявлял: «Одним словом, мне всё это совершенно не по душе, и я никогда этого не одобрю. Разве что Бог лишит меня разума, и я сойду с ума». Но если императору приходилось оправдываться в таких выражениях, значит, очень многим эта резня пришлась по душе и очень многие её восхваляли — причём их было гораздо больше, чем тех, кто позже славил поступок Занда. И этих людей в обществе вовсе не считали безумными или сумасшедшими.

Следовательно, по крайней мере для одной из противоборствующих сторон божественная заповедь и тогда не была нерушимым общим правилом. Руководствовалась ли этой заповедью вторая сторона — вопрос спорный, ведь ни королева Елизавета, ни правители Оранской династии, ни французский король Генрих Четвёртый не подсылали наёмных убийц к Папам Римским и вождям Католической Лиги. Впрочем, это уже относится к совсем другой истории.

Но если императору приходилось оправдываться в таких выражениях, значит, очень многим эта резня пришлась по душе. Очень многие её восхваляли — причём их было гораздо больше, чем тех, кто позже славил поступок Занда. И этих людей в обществе вовсе не считали безумными. Следовательно, по крайней мере для одной из противоборствующих сторон божественная заповедь и тогда не была нерушимым общим правилом.

Нам необходимо было предварить эти размышления рассказу об убийстве, совершённом Зандом, лишь для того, чтобы отвергнуть огульные обвинения в адрес целого девятнадцатого столетия. Мы отвергаем выводы, выведенные на основе одного-единственного преступления. При этом в самом повествовании мы будем во многом опираться на хронику Карла Эрнста Ярке, но без сочувствия его политическим нападкам.

Сегодня в нашем распоряжении находятся самые полные следственные акты, документы и свидетельства. Едва ли в истории найдётся много других столь же значимых уголовных дел, где все мотивы, цели и обстоятельства были бы расследованы до конца и предстали перед судом истории с такой предельной ясностью. Важнейшим трудом с точки зрения фактов является книга государственного советника Карла фон Хонхорста «Полный обзор следственного дела против Карла Людвиг Занда...», изданная в 1821 году. Для понимания же личности самого

Карла Занда незаменимым источником служит книга «Карл Людвиг Занд в его дневниках и письмах», опубликованная его друзьями в Альтенбурге годом позже. И хотя этот сборник пронизан искренним восхищением и сочувствием к юноше, принесшему себя в жертву ради Отечества, он представляет огромную ценность благодаря подлинным документам — в первую очередь личному дневнику Занда, который тот подробно вёл вплоть до конца 1818, а также его многочисленным письмам.

Все прочие публикации блекнут на фоне фундаментального труда доктора Карла Эрнста Ярке «Карл Людвиг Занд и совершённое им убийство...», изданного в Берлине в 1831 году. Эта работа, представляющая собой глубокое психолого-криминалистическое исследование, собрала воедино, полностью переработала и обобщила все ключевые факты. Ярке выстроил безупречную психологическую историю преступления, детально разобрав его мотивы и неразрывную связь с настроениями и политическими движениями той поры.

Это поистине мастерское изложение не оставляло бы желать лучшего, если бы за внешне объективным фасадом не скрывался явный подтекст: книга претендует скорее на роль политико-религиозного партийного манифеста, нежели беспристрастного юридического трактата. Автор изо всех сил стремится превратить своё исследование в обвинительный приговор самим духовным течениям новой эпохи. Сквозь строки отчётливо проглядывает страстное желание автора обвинить в случившемся даже саму Реформацию Мартина Лютера. По его мнению, провозгласив превосходство личного убеждения человека над авторитетом церкви, Реформация в конечном счёте и породила преступление Занда. Однако все эти партийные интересы не должны мешать нам признать истинную ценность его труда там, где он опирается на твёрдую почву неоспоримых фактов.

Часть 2. У истоков фанатизма. Юность в Фихтельских горах

Карл Людвиг Занд родился пятого октября 1795 года в живописном городке Вунзидель, у самых склонов Фихтельских гор. Этот край уже был знаменит: чуть раньше он подарил Германии одного из её благороднейших писателей — Жана Поля Рихтера. Карл был младшим сыном в уважаемой семье местного советника юстиции Готфрида Занда и его супруги Доротеи.

Напрасно исследователь пытался бы отыскать глубокое духовное сходство между этими земляками, которые обрели столь разную славу. Обоим была свойственна чисто немецкая серьёзность и глубина чувств, но развилась она совершенно по-разному. Богатый внутренний мир писателя Жана Поля вдохновил его на воспевание Бога, природы и свободы. Его книги сотканы из романтического восторга и тонкого юмора — вся его поэзия стала искренним поклонением красоте мира. Та же самая серьёзность характера, увы, увела и отдалила более бедный разум юного Занда от подлинной жизни и от истинной веры. Она в конце концов поглотила его, превратившись в фанатичное, лишённое всякой радости служение одному лишь пустому и голому понятию. В дневниках Занда нет ни единого упоминания о том, что книги Жана Поля произвели на него хоть какое-то впечатление. Это поразительно, ведь в те годы этот писатель пользовался невероятной популярностью среди студенчества — точно так же, как за десять-двадцать лет до этого у всей остальной публики. Более того, Жан Поль был страстным покровителем свободы, а значит, имел все основания стать кумиром для единомышленников Занда.

Впрочем, друзья Карла пытались объяснить его характер иначе — особенностями нрава горцев, среди которых он вырос. Этому народу свойственна природная живость, сочетающаяся с мощной, суровой простотой. К этому простодушному и крепкому характеру добавляется искренняя, глубокая вера, подпитываемая живым воображением. Их христианская набожность всегда оставалась деятельной, живой и открытой для истинного понимания учения Христа. Многие путешественники замечали, что фихтельбергцы больше всего на свете любят беседовать и рассуждать о заповедях христианства.

Именно этот характер своих земляков Занд впитал в себя во всей полноте. Обстановка в семье также располагала его исключительно к серьёзности и набожности. Слухи, которые порой распространяли о его родных, судя по официальным документам, следует считать абсолютно беспочвенными. Мать Карла предстает женщиной глубоко образованной, религиозной и благоразумной. Во всех её письмах, помимо глубокой материнской любви, чувствуются ясный ум и самые благородные нравственные принципы.

«Старайся, — писала она сыну, — всегда, ежеминутно следить за собой. Не думай, будто отдельные большие и добрые поступки — это и есть истинная добродетель. Стремись каждую минуту делать именно то, чего требует от нас наш долг». В другом письме она взывает к нему: «Умоляю тебя, дорогой Карл, не позволяй этой слабости — твоему слепому романтическому восторгу — отвлечь тебя от забот о гражданском долге и семейном очаге!» Все её наставления, как и советы мужа, лишены того привычного, занудного тона, который так часто лишь отталкивает детей; они явно шли от самого сердца. К тому же она была женщиной практичной: сама управляла небольшим металлургическим заводом и делала всё, чтобы уберечь семейный достаток, которому угрожали тяжёлые военные времена.

Отец Карла разделял эти взгляды. Он постоянно призывал сына к благочестию и однажды написал ему: «Не поддавайся нынешнему легкомысленному духу времени. Поверь мне, твоему старому, опытному отцу: искренний страх Божий с ранних лет — это единственная надёжная защита от соблазнов, особенно в юности. Все знания мира без истинной веры — не более чем

медь звенящая или кимвал звучащий. Только вера эта не должна быть превратно понятой или напускной; она обязана проявляться в поступках на протяжении всей жизни».

И всё же главу семейства, судя по всему, тяготили многочисленные заботы в их многодетном доме. Помимо Карла, у родителей подрастали ещё двое старших сыновей — Георг, ставший купцом в швейцарском Санкт-Галлене, и Фриц, устроившийся адвокатом в апелляционном суде города Кемнат, — а также старшая дочь Каролина, которая вышла замуж и осталась в Вунзиделе, и младшая, Юлия.

Однако в юности Занд, несмотря на тёплое общение с любимыми братьями и сёстрами, почти не знал беззаботной радости. Опасная чёрная оспа подорвала его здоровье так сильно, что домашнее обучение он смог начать только в десять лет. Младшая сестра вскоре обогнала его в учёбе. Чтобы догнать её, Карлу требовались колоссальные усилия, а от учителей — ангельское терпение. Это рано развило в мальчике глубокую внутреннюю подавленность. Его отцу приходилось думать не о том, как удержать сына от шалостей, свойственных другим живым подросткам, а о том, как спасти его от ещё большего затворничества и ухода в себя.

Тем не менее его скрытность и молчаливость никогда не перерастали в сонную вялость или тупую лень. Уже в двенадцать лет Карл проявил себя отважным бойцом в мальчишеских играх, где из-за ложного чувства чести простая забава едва не переросла в кровавую драку. А годом ранее, будучи всего одиннадцати лет от роду, он без раздумий бросился в воду и спас тонущего ребёнка.

Образование Занд получал сначала в родном лицее в Вунзиделе, затем в гимназии города Хоф. Позже, из искреннего уважения и любви к своему наставнику — ректору Заальфранку, он последовал за ним в Регенсбург, когда того перевели руководить местной гимназией.

В глазах Занда его учитель был безвинно пострадавшим героем. В письмах Карла к родителям из Регенсбурга впервые закипает тот самый дух возмущения, который всегда охватывает благородные юные сердца, когда совершённая несправедливость ранит их чувства. Впрочем, этот гнев тогда ещё не принял какого-то конкретного, опасного направления.

Зато его рано пробудившееся патриотическое чувство и жгучая ненависть к наполеоновским захватчикам уже в те годы проявились весьма примечательным образом. Когда Наполеон прибыл в город Хоф для смотра войск, Занд немедленно покинул город и вернулся к родителям. Он объяснил это тем, что для него было бы невыносимо «знать, что угнетатель отечества находится в стенах Хофа, и не рискнуть собственной жизнью, чтобы покарать его». Этот случай, сохранённый в воспоминаниях его друзей, лишь много лет спустя обрёл свой истинный, зловещий смысл.

Все отзывы учителей о Занде были исключительно благородными. Его наставник Заальфранк, знавший юношу лучше всех, отмечал:

«Занд не обладал выдающимся талантом, но способности у него были хорошими. Однако больше всего его отличало невероятное, непрестанное усердие — он работал без перерыва с четырёх часов утра. За все восемнадцать лет моей преподавательской службы у меня не было ученика, подававшего большие надежды». Тем не менее родной отец часто сокрушался из-за свойственной сыну медлительности и тяжёлого на подъём характера. Из-за этого мать в своих письмах продолжала предостерегать Карла от лени, даже когда тот уже стал студентом университета.

В 1813 году Занду исполнилось восемнадцать лет. Он уже тогда попытался бы выпросить у родителей разрешение отправиться добровольцем на войну, если бы знаменитая битва под Лейпцигом, где Наполеон потерпел сокрушительное поражение, не сделала этот шаг излишним. По этому поводу Карл писал в письме к сестре: «Если возникнет необходимость принести себя в жертву, я чувствовал в себе слишком много мужества и душевного подъёма, чтобы дожидаться, пока меня призовут».

В следующем 1814 году отец наконец дал Карлу согласие на учёбу. Тот решил посвятить себя протестантскому богословию, и лишь выбор университета вызывал у него сомнения. Ехать в Эрланген юноша не хотел. «Философский факультет там, — писал он отцу, — сплошь занят эклектиками, которые сочетают противоположные идеи и тем самым лишь губят молодёжь, внося страшную путаницу в её образование. К тому же я не нахожу там того истинно религиозного духа, который должен окружать меня извне и наполнять изнутри, если я хочу достойно подготовить себя к своему высокому и благословенному призванию. Да и нравы среди тамошних студентов мне совсем не по душе; мне хотелось бы оказаться в более гуманной, утончённой и высоконравственной среде».

Сердце звало его в Тюбинген, куда он и отправился осенью 1814 года, получив блестящий аттестат об окончании регенсбургской гимназии. Однако Карл забыл вовремя запросить обязательное тогда разрешение у баварского правительства. В итоге в этой просьбе ему задним числом отказали и велели выбрать для учёбы университет внутри самой Баварии. Тем временем Наполеон бежал из ссылки с острова Эльба и вновь заявил права на престол, и Занд тут же записался добровольцем в баварскую армию. Но победа союзных войск при Ватерлоо, которую в немецких хрониках называют битвой при Белль-Альянсе, была одержана слишком быстро, и Карл так и не успел побывать под огнём. Вместе с баварскими полками, покинувшими свои временные французские лагеря, он уже в декабре 1815 года прибыл в Ансбах, где и завершил службу с характеристикой безупречного поведения. В биографии, составленной позже его друзьями, утверждается, что Занд переносил тяготы затяжных маршей и походной жизни с поистине мужской стойкостью. Он проявил себя как самый самоотверженный товарищ и часто, несмотря на собственную усталость, нёс чужие вещи наряду со своим тяжёлым снаряжением.

В армию Карл ушёл добровольцем тайком от родителей. Если вспомнить всеобщее патристическое воодушевление 1815 года, в таком поступке не было ничего удивительного. Этот порыв полностью соответствовал и его прежним настроениям. Известно, что ещё в 1809 году, во время неудачного для Германии начала австро-французской войны, он сильно переживал за судьбу родины. А кровопролитное сражение под Регенсбургом, как говорили близкие, надолго лишило юношу прежней жизнерадостности. Рассказывали также, как нескольким молодым людям в Вунзиделе, которые записались в добровольческий корпус ополчения, но в самый день отъезда труслили и сбежали, Карл гневно крикнул вслед: «Если вы, трусы, не хотите защищать родину, я пойду вместо вас!»

И всё же это был первый в его жизни самостоятельный поступок, совершённый наперекор воле семьи. До тех пор Карл оставался послушным сыном и доверял родителям — особенно матери — абсолютно все свои мысли, чувства и дела. Письмо, в котором он сообщил им о своём уходе на фронт, как и сам этот шаг, не содержало в себе ничего предосудительного, безумного или фанатичного. Напротив, как справедливо замечает исследователь Ярке, здесь стоит обратить внимание на ясный, понятный и благородный слог юноши. Он разительно отличается от его позднейших заявлений на следствии — вычурных, напыщенных, запутанных и туманных. Тот сложный язык отражал, как по мере помрачения его рассудка путалась и угасала его духовная жизнь. До этого момента Занд был не просто безупречным, чистым душой юношей, который отличался редким трудолюбием и искренним стремлением к науке. Нельзя не признать, что мало кто в его возрасте питал к своим родителям столь чистую, поистине детскую и глубокую почтительность. Преисполненное этих чувств, упомянутое письмо начинается следующим образом:

«Дражайшие родители! До сего момента я оставался верен вам, являя покорность и послушание вашим отеческим наставлениям и добрым советам моих превосходных учителей. Я ревностно стремился стать достойным того великолепного воспитания, коим наделил меня Господь через вас, мои дорогие родители, и через разного рода жизненные испытания. И в Регенсбурге, и здесь, в университете, я со всей серьёзностью посвящал себя образованию ради

высокого призвания — проповедовать в будущем слово Божие в моем немецком Отечестве. Я ни в коей мере не могу упрекнуть себя в том, что когда-либо оставлял стремление двигаться вперед. А потому ныне я могу совершенно открыто изложить вам, мои дорогие родители, свое твердое решение. И я смею уповать — тем более истово, что вы, как любящие и заботливые родители, успокоитесь на мой счет, и как истинно немецкие патриоты скорее восхвалите мое намерение, нежели станете отговаривать меня от него. Отечество вновь зовет к нам, и этот призыв на сей раз обращен и ко мне».

Далее в письме говорится:

«Каков бы ни был дух среди нас, я также считаю своим высшим долгом сражаться за свободу моего дорогого Отечества, моих дорогих родителей, братьев и сестер, и всех добрых людей, что любят меня. И если превосходящие силы врага одержат над нами верх, мой долг — пасть на передовой, на самых рубежах, но победить тирана ценой собственной жизни. Не будь я искренне пронизан этими чувствами, я бы не открыл их вам. Ведь я доподлинно знаю: мои немецкие родители сочли бы меня подлецом и трусом, объявив меня сыном, недостойным вашего имени» и так далее.

Часть 3. Эрлангенский период и студенческие братства

После недолгого пребывания в отцовском доме (куда он вернулся вместе со своим старшим братом Фрицем, который, подобно ему, тоже ушел на фронт добровольцем), зимой 1815-1816 годов юноша поступил в Эрлангенский университет. Источники расходятся в точных датах: по одним сведениям, он был зачислен туда в середине декабря 1815 года, по другим же — вернулся из похода лишь под самое Рождество, встретил Новый год в кругу семьи и прибыл в Эрланген только седьмого января 1816 года.

Именно с этого момента он начинает вести подробный дневник. Эти записи служат отчетом не только о его повседневных делах и заботах, но и раскрывают его потаенные мысли, настроения и взгляды. В первый день Нового года он записывает своего рода молитву, которую можно считать манифестом всей его дальнейшей жизни, посвященной религиозному преклонению перед Отчеством. Там есть такие слова:

«Боже, Ты позволил моему немецкому Отечеству собственной силой вырваться из ярма рабства. В этом отношении я никогда не поддавался сомнениям, сколько помню себя гражданином мира; вера моя была тверда. Но прости мне, по заступничеству Господа нашего Иисуса, то, что моя непоколебимая уверенность порой давала слабину. Прости, что во время великих испытаний 1809 года и начала 1812 года, а также в дни битв при Люцене и Бауцене, я всё же прислушивался к малодушным скептикам и едва не впадал в отчаяние от издевательского смеха недостойных немецких пересмешиков. Наш Господь не дал мне пасть окончательно и, наконец, через Свой святой Дух зажёг в моей душе столь высокое мужество. Отче, Ты явил нам Свою бесконечную милость! Ты даровал нам победу над нашим общим врагом, терзавшим весь народ. Все колеблющиеся ростки в Твоем немецком саду, что были пригнуты к земле сокрушительной бурей войны и доселе раскачивались ветрами духа времени, ныне вновь распрямились. Охваченные глубоким стыдом за прежние сомнения в Твоем всеблаготворении, которое их слабому уму слишком долго казалось чересчур долготерпеливым, они дерзают вновь обратить свои взоры к Тебе, спасённые Твоим промыслом. Направитель сердец человеческих! Мне также выпала доля хотя бы выступить в поход за Отечество, пусть даже мне и не довелось самолично сражаться на поле брани!»

Однако юноши, покидающие гимназию со всей серьёзностью классического образования, на университетской скамье нередко вновь погружаются в водоворот укоренившихся студенческих забав. Нам сегодня уже с трудом удаётся отыскать в этих играх глубокую связь с наукой и настоящей жизнью. Не миновала сия чаша и Занда. Его религиозный восторг и священная любовь к Отечеству искали для себя более близкий, осязаемый предмет, который можно было бы объять душой, ради которого можно было бы трудиться и в который можно было бы играть. Как отмечает исследователь Ярке:

«То, чем для древнего римлянина было его государство, для истинного творца — его искусство, а для пылкого юноши — его возлюбленная, для Занда стало всеобщее немецкое студенческое братство. Оно превратилось для него во всё и вся: в его государство, его церковь, его единственную любимую».

Здесь стоит добавить, что в его бумагах нет ни малейшего намёка на то, что сердце Занда хоть раз было тронутو женской красотой или изяществом. Чувственная любовь к женщине оставалась абсолютным белым пятном в его судьбе.

Всякий, кто жил в ту эпоху и лично свидетельствовал тот нравственный переворот, который студенческие братства произвели в старом быту, знает, что Занд был в этом далеко не одинок. То было мощное, ликующее движение, знаменовавшее собой зарю новой эпохи. Множество юношей отдавались ему всей душой, стремясь вытеснить и изгнать отжившие формулы, разгульные нравы, тиранию и рабство, унаследованные от грубого, тёмного прошлого. Многие

в своих ожиданиях и надеждах заходили очень далеко — так же далеко, как и Занд. Многие, подобно ему, обманывались, принимая то, что было лишь юношеской игрой, за священную истину. Однако лишь единицы погружались в это движение с таким аскетическим благоговением, с таким односторонним, лишённым всякого воображения фанатизмом. И ни у кого более понятия не искажались до такой степени, чтобы в искренней вере, будто он служит одновременно Богу, религии, Отечеству, своему народу, праву и морали, совершить злодеяние, коренным образом противоречащее сути каждого из этих священных начал.

Когда Занд только прибыл в Эрланген, порядки и жизнь тамошних землячеств — этих старых студенческих объединений по территориальному признаку — были грубыми и дикими. Мысль выступить в роли реформатора сама собой рождалась в любой сильной душе. Для этого едва ли требовался особый склад его ума. Однако история его борьбы против этих порядков полна драматизма. Он собрал вокруг себя двоих-троих друзей. Поначалу они хотели пробудить более достойный, патриотический дух внутри одного из уже существующих землячеств. Но, обманувшись в своих ожиданиях, они вспыхнули священным гневом. Им повсюду виделись козни Сатаны, ведь землячества желали и дальше жить по-старому, праздно и удобно.

История о том, как эти немногочисленные члены нового вольнодумного братства жили подобно мученикам — презираемые, высмеиваемые и гонимые; как они призывали Бога, Иисуса, Отечество, природу и даже кроткую луну в свидетели истинности своего призвания и святости своих убеждений, — всё это было взято из самой жизни, но ироничное её изображение казалось бы столь очевидным, если бы только можно было закрыть глаза на тот ужасающий, роковой исход, к которому этот слепой фанатизм привёл несчастного юношу.

Эрлангенский период запечатлён в дневниках Занда гораздо отчётливее и подробнее, чем любая другая пора его жизни. Для иных целей здесь нашлось бы богатейшее содержание, способное лечь в основу увлекательного жизнеописания. Однако для нашей задачи — дать характеристику Занду в эту первую пору его вполне осознанной самостоятельности — достаточно будет выделить лишь некоторые черты. Ещё во время учёбы в Тюбингене Занд состоял в обществе под названием «Тевтония», чьи устои предвосхитили дух позднейших студенческих братств. В её уставе провозглашалось:

«Истинно благородная цель нашего тевтонского союза состоит в том, чтобы возвращать, укреплять и распространять среди нас и окружающих подлинный немецкий студенческий дух и уклад. Проявляются же они в глубоком почтении и горячей любви к нашему Отечеству, в пылающей ненависти к его внешним и внутренним угнетателям, а также в пламенной приверженности нашей исконной академической свободе, независимости и неприкосновенной чести» и так далее.

Впрочем, впоследствии Занд неохотно вспоминал об этой «Тевтонии». Его пребывание в Тюбингене оказалось слишком коротким. К тому же суровый призыв встать на защиту Отечества, которому он последовал уже на следующий день после своего официального вступления в общество, заставил его тогда счесть малозначительным то, что лишь позже предстало перед ним во всём величии.

Негодуя вместе со своими единомышленниками на царившие вокруг порядки, он однажды облачился в своё старонемецкое платье и с «благодарной, ликующей душой» отправился на коммерш — торжественный студенческий пир. Там это традиционное немецкое одеяние вызвало всеобщее одобрение и пробудило во многих истинно патриотические чувства. Возвращаясь домой, он беседовал со своим другом Ульрихом — тем самым, что позже стал известен в немецких университетах под прозвищем Фуриозо, неистовый борец. Он был столь же пылким защитником идей студенческого братства на словах и на шпагах, как и сам Занд, а также ярким ненавистником Польши, ныне же стал уважаемым судьёй и председателем окружного суда. Этот разговор Занд посчитал навсегда запоминающимся событием, способ-

ным изменить и исправить тот грубый, эгоистичный баварский нрав и тон, что царил среди здешних студентов, обратив его во всеобщее благо немецкого народа.

И всё же поначалу он хотел избрать путь примирения. Он желал провести реформу изнутри самих землячеств, а потому в годовщину битвы при Ватерлоо, девятнадцатого июня тысяча восемьсот шестнадцатого года, решился вступить во Франконское землячество, которое считал самым надёжным. «Я хочу, — записал он в дневнике, — действовать здесь как франконец ради Твоих целей, о Небесный Отче. Аминь!»

Он сделал этот шаг вместе с Ульрихом, но вскоре почувствовал себя горько обманутым. Землячество вовсе не собиралось менять свои порядки — его члены лишь хотели заполучить в своё объединение двоих известных студентов, оставив всё по-прежнему. Занда лишь до поры до времени задабривали красивыми речами, что и вскрылось во время выборов старейшины союза. Обещанную должность получил вовсе не Ульрих — вместо него главой землячества снова переизбрали прежнего старшину. Занд прямо воззвал к совести того, кто его обманул, упрекнув во лжи и интригах, и призвал его перед судом Божиим. «Господь даровал мне душевный покой, — восклицал он, — и всё же крушение прекрасных мечтаний ранит сердце глубоко».

Занд полагал, что Ульрих после случившегося немедленно покинет это общество. Однако тот остался. Более того, в тот же самый вечер после памятных выборов он вместе с Зандом посетил бал, который, судя по всему, давало это землячество. К обоим присутствующие отнеслись дружелюбно, однако Ульриха «сокрушила скорбь, и у него вырвалась горькая слеза», после чего оба покинули танцевальный зал. Вслед за этим Занд записал в свой дневник следующий диалог между собой и другом. Разговор этот столь ярко передаёт его тогдашнее взвинченное состояние и взгляды единомышленников, что привести его здесь представляется совершенно необходимым и важным:

«Занд. Теперь, когда я доверил всё это своему дневнику и предал суду Божьему, я снова совершенно спокоен. Я торжествую над той жалкой сетью, которую эти кичащиеся мальчишки пытались набросить на львов, вообразив, будто поймали и оковали нас.

Ульрих. Но во мне бушует лютая обида оттого, что я попал в эту дьявольскую шайку и отныне буду считаться одним из них. Позволь мне излить весь свой гнев на эту Франконию, сойтись с ними в бою и задушить их! Ха! Пусть меня предадут анафеме и изгонят, и тогда — прощай, эрлангенский студенческий мир. Да я теперь готов опуститься до самых глубин порока!

Занд. Меня вновь наполняет блаженное чувство оттого, что хотя бы одна душа на этой земле понимает мои стремления и мою суть. Смотри же, не поступай вопреки высшему долгу лишь ради собственного успокоения. Но я скажу так: эти властолюбивые, лицемерные мальчишки думали запереть истинную силу в бутылку и заткнуть её пробкой. Однако дух пробудился во всей своей мощи: он не просто с лёгкостью вышибет эту пробку, но и разнесёт вдребезги самую крепкую бутылку.

Ульрих. Пойдём туда снова, бросимся в самую гущу, чтобы сполна столкнуться плечами с другими — и тогда в такт музыке родится мощный, ритмичный всплеск искр, подобный колебаниям маятника.

Занд. И так, высоко над временем и пространством, вечно живёт высшая мысль, и она устремляет к лучшему».

Так говорила эта могучая душа (пишет Занд о самом себе), и мы вернулись в зал. Никогда ещё я не ощущал в себе той внутренней силы так остро, как сейчас. Сегодня каждый мой нерв был подобен герою». И всё же Занд оказался достаточно добродушен, чтобы провести эту ночь в комнате ненавистного предводителя студенческого братства франконцев — того самого человека, которого он сам же призвал на Божий суд. В ту ночь он горячо доказывал ему и другим, что по природе своей он вовсе не зол!

На следующий день Занд заносит в свой дневник: «Открытое, искреннее сердце, если его хоть единожды коварно предали, способно превратиться в свирепого зверя».

Днём, когда он зачитал написанное своему другу У-ху (Ульриху) и тот полностью согласился с его словами, они оба, истово молясь Богу, заключили оборонительный и наступательный союз «во имя правого дела».

По мнению публициста Ярке, именно с этого момента, когда деятельность ради академического союза превратилась для Занда в вопрос веры, этот прежде чистый, по-детски простодушный и безупречный юноша сошёл со стезей чистой науки. Ярке считает, что парень ступил на путь, который шаг за шагом увлекал его всё глубже в бездну гибели и в конце концов привёл под карающий меч палача. Однако такое обвинение кажется преждевременным. На том же пути тогда находились многие его сверстники, но они вовремя вернулись к науке и сохранили свои жизни. Тот их союз «во имя правого дела» носил ещё самый общий характер. Сами же взгляды Занда казались Ярке опасными лишь потому, что юноша требовал безграничной свободы.

Но мысль о том, что «уважения заслуживает лишь внутренняя ценность человека», разделяли и разделяют тысячи людей, вовсе не стремясь при этом под лезвие палача. Даже вспыльчивый Ульрих — его товарищ, поначалу ослеплённый теми же идеями, что и Карл Занд, — со временем остыл и сумел примириться с жизнью.

Требовалась именно такая замкнутая, ушедшая в себя натура, как у Занда, чтобы слепо довериться одному-единственному течению и счесть его божественной истиной. Сказались его ограниченный кругозор и полное отсутствие воображения. Вместо того чтобы черпать силы в тысяче живых течений окружающего мира, его дух отторгал их, ожесточаясь против любых новых впечатлений. И в конце концов, вместо тысячи светлых, открытых путей служения отечеству, он разглядел лишь один — тёмный, глухой переулок.

С основанием студенческого братства, новой свободолобивой Буршеншафты, дело продвигалось туго. И хотя Занд с Ульрихом уже вышли из прежнего землячества «Франкония», у Ульриха, пожалуй, было больше пыла, чем истинного желания и упорства трудиться. Занд пришёл к выводу, что «толку от него мало», и сам взялся за составление устава.

Однако даже в их тесном кругу из неполного десятка единомышленников то и дело вспыхивали разногласия, перераставшие в открытые ссоры. К тому же им приходилось терпеть всевозможные обиды и нападки от консервативных землячеств, объявивших им бойкот; нередко защищать свой покой удавалось лишь с оружием в руках.

На холме в окрестностях Эрлангена, сразу за Старогородской горой, друзья обустроивали тайное место сбора, которое окрестили Рютли — в честь знаменитой луговины, где когда-то присягали на верность свободные швейцарцы. Они выравнивали и расчищали землю, таскали тяжёлые валуны, складывая и обтесывая их наподобие скамей, а затем устроили праздник освящения своего «Рютли» с пуншем. Но не успели они дойти до вершины холма, как между ними вспыхнул очевидный разлад, и компания чуть было не разбежалась. Один бросился прочь, а другой помчался за ним, чтобы вернуть назад. В этот миг Занда охватила глубочайшая скорбь, но, как говорится, «когда страх сильнее всего, Ты, о Милосердный, ближе всего к нам!». В конце концов двое добрались до вершины; остальные поднялись следом — кто сами, а кого пришлось позвать. Наверху, едва стемнело, они зажгли четыре принесённые с собой свечи, «чтобы в тишине и кроткой печали пить своё пиво».

Вскоре подошли и другие товарищи с факелами. Занд зачитал им свою речь — читать пришлось по бумаге, так как от сильного расстройства он совершенно забыл её наизусть. Он горячо призывал всех к согласию и созданию прочного устава. Настроение у всех сразу наладилось. Одни говорили: «Знай мы заранее, что вы задумали, мы бы обязательно сварили пунш». Другие поддакивали: «Да мы бы и просто на пиво пришли в весёлом расположении духа».

Одного из тех, кто поначалу не пришёл, теперь специально отправили в Эрланген, и он вернулся со свечами и шестью кувшинами доброго эльзасского вина, настоящего «эльфера» урожая 1811 года из Франконии. Ещё трое принесли дров и ещё больше пива. Разожгли костёр, и, собравшись вокруг него, студенты запели лучшие немецкие песни: «Запевай и пей!» и «Студент чистой пробы!». Они усердно прикладывались к большой кружке, вырезанной из берёзы. Когда дрова и пиво принесли ещё раз, а берёзовая кружка опустела, все с удовольствием прошлись кругом с факелами в руках, а затем принялись за вино.

Под звуки песни Маттиаса Клаудиуса кружка, украшенная дубовыми листьями, «в порыве ликования была осушена каждым по два раза». Луна и звёзды, казалось, к их полному восторгу, сияли сквозь ветви дубов и елей, пока юноши с песнями кружились в танце вокруг костра. Это продолжалось до тех пор, пока все они, перевозбуждённые и глубоко взволнованные, не разошлись в разные стороны, стеснённые физическими потребностями тела, и распалась на группы, которые разошлись по скамьям и окрестным местам». Сам Занд признавался: «Слава Богу! Я и сам уже мало что соображал в таком состоянии». Когда начало рассветать, друзья довели его до ветряной мельницы, и около пяти часов утра, как он заключает, «мы сонными вернулись обратно в Эрланген». Позже сами же члены студенческого братства под предводительством Занда разрушили своё «Рютли» и раскололи камни на мелкие куски. Они сделали это потому, что не хотели, чтобы тайное место их собраний было осквернено враждебными землячествами.

Мы описали эту ночную сцену столь подробно вовсе не из-за её связи с трагическим концом Занда, а скорее как доказательство того, что человек, способный с таким мальчишеским задором предаваться пустяковым забавам, ещё явно не встал на тот путь, который неизбежно должен завершиться под лезвием палача.

Тем временем, пока Занд по поручению друзей трудился над «Идеями к уставу Буршеншафты», само это братство постепенно крепло, проходя через множество испытаний. Окончательно сформировать его удалось благодаря поддержке студентов из Йены и Халле, и в итоге численность кружка достигла почти двадцати человек. При всех стычках с врагами, которые то и дело случались, Занд молил Бога: «Сохранить в нём христианское милосердие и простить им их тяжкие грехи».

Однако эти дразги с землячествами вкупе с другими заботами и неудачами сильно омрачали его душевное состояние. В его письмах и дневниках теперь то и дело сквозят подавленность и меланхолия.

«Радости жизни исчезают, — пишет он, — скорбь и тревога забирают меня; нигде я не вижу для себя прочной опоры, которую наше высшее стремление, наше христианско-немецкое дело, должно было бы занять. В конце концов колеблемся и все мы, и я тоже».

В письме к отцу он жаловался на научную жизнь в Эрлангене и перекладывал всю вину на преподавателей. Он не желал признавать, что виной всему была его собственная надломленная, сумбурная жизнь, из-за которой он вряд ли был ещё способен отдаваться науке с безраздельным рвением и полной радостью. Вдобавок ко всему Эрланген покинули его самые близкие друзья. А один из них, к кому он был привязан сильнее всего — молодой богослов Диттмар, — утонул прямо у него на глазах во время купания. Занд не смог броситься ему на помощь, ведь тонущий умел плавать, а он сам — нет. Принято считать, что этот трагический случай стал переломным моментом в его душе, и с тех пор его рассудок мрачнел всё больше и больше. Однако друзья Занда это отрицают; напротив, по их словам, именно с этого времени он стал действовать увереннее и решительнее. И всё же его, судя по всему, до глубины души оскорбило обвинение, прозвучавшее со стороны консервативных землячеств: будто он мог и должен был спасти тонущего, но не сделал этого из трусости. Точно так же его возмутило поведение врагов во время похоронной процессии. «Из-за подлостей землячеств, из-за множества сегодняшних хлопот с погребением и из-за того, что силы мои иссякли от скорби, к вечеру у гроба я совер-

шенно ожесточился, — писал он. — Разъярённые, с оружием в руках, готовые отомстить за любое малейшее нападение со стороны землячеств, мы шли за гробом — истинное шествие мертвецов. О горе! Душа моя была бесчувственна как камень, а глаза сухи».

Это растущее ожесточение и постоянное впитывание мучительных обид лишь усиливали то раздражение, которое теперь изливалось даже на его лучших друзей. С двумя из своих самых близких товарищей он едва не сошёлся в рукопашной, когда из-за пустяковой подначки в его комнате завязалась потасовка. Письмо, которое он написал им после этого, наглядно показывает, насколько уже тогда были спутаны его понятия и как его возвышенные, всеобщие идеи оставались зажаты в тисках самых банальных студенческих предрассудков. Он самым трогательным образом умоляет их о прощении за неправоту, которая была с его стороны, закликает сохранить к нему дружбу, но одновременно с этим вызывает их на дуэль, чтобы дать им удовлетворение. Друзья, которые с самого начала относились к случившемуся как к шутке, оказались благоразумнее и отвергли этот вызов в такой манере, что даже Занду пришлось признать себя побеждённым. Другого своего обидчика он вызвал на поединок в рощу перед Нюрнбергскими воротами. Занд два часа тщетно прождал там «этого беглого подлеца», как они договаривались. При этом он горячо молил Бога принять его к Себе ради Сына Его Иисуса, и заключал: «Господи, благослови меня! Если я отойду к Тебе, милостиво прости мне мой грех, а если мне суждено остаться в этом земном испытании, то укрепи меня».

Это неопровержимое доказательство того, насколько глубоко он был пленён миром студенческого братства, и насколько глубоко и серьёзно воспринимал те отношения, в которых обычно правит лишь юношеское легкомыслие. Ещё отчётливее эта путаница в понятиях проявилась при подготовке к другой дуэли, которую он затеял с одним из своих самых доверенных друзей, бароном фон Пфлугом, судя по всему, исключительно из чрезмерной обидчивости. Из высочайшей любви к фон Пфлогу он вдруг скатился в глубочайшую ненависть», из-за его мнимого ухода к другому приятелю, а также из-за того, что тот помешал им и — как ему показалось! — внезапно высмеял их «прекрасную певческую прогулку»! И всё же Занд восклицает: «В конечном счёте, всё это — дело общего блага!». А затем снова твердит: «Если Ты, Вечный Судия, призовёшь меня на Свой суд, то я знаю, что заслужил вечное проклятие; но, Господи, я уповаю не на свои заслуги, а на искупление Иисуса, и надеюсь на Твою отеческую милость, ибо Он, Сын Твой, пострадал и за меня».

Не напоминает ли здесь протестант Занд в некотором смысле лукавого католического грешника, который заранее покупает у торговца индульгенциями отпущение ещё не совершённого греха, а затем со спокойной совестью идёт на него? А ведь за день до этой несостоявшейся дуэли Занд поднялся на церковную кафедру и впервые в своей жизни прочитал проповедь!

Часть 4. Переезд в Йену и символ веры

В светлом и приподнятом настроении Карл Людвиг Занд покидал Эрланген по окончании летнего семестра 1817 года. Тяжёлый, изнурительный труд принёс свои плоды: студенческое братство наконец-то было создано и обещало окрепнуть в будущем. Занд успел помириться со своим давним противником, господином фон Пфулем, сумев завоевать уважение этого гордеца. К тому же за душой у него не оставалось ни единого крейцера долга! Он предвкушал скорую поездку на великое празднование юбилея Реформации в замке Вартбург, а затем — жизнь и продолжение учёбы в Йене. Именно там дело всей его жизни, общенемецкое студенческое движение, уже одержало полную победу и процветало безо всяких преград. Не подлежало никакому сомнению, что среди этих дорогих его сердцу братьев по братству находил куда более глубокое понимание, чем то, что сам он поначалу считал главной целью их союза. А цели эти были скромными: установить более благородный тон в общении, смягчить былую студенческую грубость и обуздать безмерное пьянство. Однако уже семнадцатого августа 1817 он писал другу:

«Моё сердце переполнено радостью, ведь нынешние наши союзы — это больше не пустая, суетная жизнь, исчезающая без следа вместе с немногими годами университетской поры, как бывало прежде. Напротив, мощно пробуждённые самим Господом, мы наконец-то начали воплощать в жизнь всё самое высокое и прекрасное. Мы стремимся положить конец грубому деспотизму, обрести свободу, добиться для граждан права открыто говорить и действовать при надёжном сословном государственном устройстве, а также самим защищать эти великие блага. Одним словом, мы жаждем по-настоящему укоренить на нашей родной земле всё то, что зовётся истинно немецким. И мы уж точно не оставим эти стремления, повзрослев, и не позабудем их, списав на обычное студенческое сумасбродство».

В Вунзиделе, где Карл проводил каникулы, снова проповедовал и готовился к переезду в Йену, он составил воззвание, которое позже распространили среди участников Вартбургского празднества. Этот текст стал его тогдашним символом веры в высокое предназначение студенческого братства. Набросок состоял из одиннадцати статей, краткая суть которых сводилась к следующему:

Первое. Наше дело совпадает с любой другой великой эпохой коренных перемен и особенно близко по духу к немецкой Реформации. Однако сегодня оно представляет собой скорее переворот научный и гражданский.

Второе. Пусть девизом немецких юношей станут слова: «Добродетель! Наука! Отечество!»

Третье. Всякий, кто разделяет эти идеалы — наш дорогой брат. Отныне мы должны взирать лишь на эту новую, только что начавшуюся жизнь.

Четвёртое. Ради претворения в жизнь этой высокой цели должно быть создано единое, всеобщее и свободное студенческое братство по всей Германии.

Пятое. Весь наш союз не должен скрепляться путами клятв. Сама идея, и только она одна, призвана объединять каждого.

Шестое. Против любого нечистого, бесчестного и порочного человека каждый из нас обязан, полагаясь на свою личную свободу, выступить в открытый бой по собственному почину. Тем самым всё наше содружество в целом будет избавлено от втягивания в запутанные распри.

Седьмое. Для дорогой немецкой земли нет иного спасения, кроме как через это всеобщее и свободное братство. В благородной, искренне сплочённой юности Германии это высокое и прекрасное начало уже обретает настоящую жизнь.

Восьмое. Обычаи и уклад братства во всех землях должны оставаться в своих главных чертах одинаковыми.

Девятое. Заклятыми врагами немецкой самобытности объявляются: а) римское влияние и папизм, б) монашество, в) слепая военщина.

Десятое. От отдельных выдающихся мужей и некоторых юношей высшего духа — как некогда от Мартина Лютера — исходит этот новый дух. Князья же и правители толком не знают, что с этим делать.

Одиннадцатое. Главная мысль нашего празднества такова: «Все мы через крещение посвящены в священники», согласно Первому посланию Петра, глава вторая, стих девятый: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой».

Правовед Карл Эрнст Ярке называет этот религиозно-политический символ веры незамеченным ключом к пониманию последующего поступка Занда. Однако в то же время этот текст служит и верным отражением того хаоса, в который уже тогда начала погружаться душа Занда.

Лишь одно положение этого туманного устава имеет роковое значение для дальнейшей судьбы самого Занда. По сути, оно стало первым оправданием, которое он, ещё не осознавая того, сам себе приготовил для грядущего злодеяния. Шестой параграф гласил: «Против любого нечистого, бесчестного и порочного человека, и против всякого, кто лишь бесчестит своё немецкое имя, каждый из нас обязан, полагаясь на свою личную свободу, выступить в открытый бой по собственному почину. Тем самым всё наше содружество в целом будет избавлено от необходимости порицать и карать, а его благополучие не подвергнется опасности в запутанных распрях». И эту заповедь, написанную собственной рукой, он исполнил собственной же рукой, поплатившись за то собственной головой.

В Йене Занд жил уже не так заметно, как в Эрлангене. И хотя всеобщее немецкое студенческое братство действительно было учреждено на основе тех самых идей, что легли в основу его манифеста — пусть и очищенных от явных изъянов его замысла, — и заветная мечта Занда, ради которой он боролся и терпел лишения в Эрлангене, воплотилась здесь в жизнь и восторжествовала, сам он оказался в ином положении. Если там он был если не главой, то одним из самых ярких первопроходцев, то здесь он стал лишь одним огоньком среди множества других, и многие из них светили куда ярче его.

По этой же причине ещё на Вартбургском празднестве он не сыграл той роли, на которую давали ему право его бывшие заслуги в Эрлангене. К тому же он, должно быть, держался здесь в тени и имел меньше влияния на окружающих ещё и потому, что был обделён даром говорить на собраниях быстро и без подготовки. Да и в тех случаях, когда ему удавалось подготовиться, он, как утверждают, изъяснялся излишне многословно. Об этом свидетельствуют его близкие друзья, да и его собственные письма и статьи служат тому достаточным доказательством. Оттого и жизнь его в Йене оказалась бедна на события. То, что могло бы украсить художественную биографию в деталях, совершенно излишне для отчёта о расследовании уголовного дела. Столь же малозначительны здесь и его суждения о выдающихся людях — особенно о профессорах университета, с которыми он общался, но которые не имели никакого отношения к его преступлению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.